

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПОДВОРНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ТАМБОВСКОЙ ДЕРЕВНЕ В ПОРЕФОРМЕННОЕ ВРЕМЯ (1861–1905 гг.)

С.А. Есиков, М.М. Есикова

*ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический
университет», г. Тамбов*

Рецензент д-р ист. наук, профессор В.В. Никулин

Ключевые слова и фразы: имущественное положение крестьян; общинное землевладение; общинное землепользование; переделы крестьянских земель; подворное землевладение; подворное землепользование; хозяйственная культура.

Аннотация: Рассмотрены вопросы содержания и распространения подворного пользования землей в тамбовской деревне; проанализированы отрицательные и положительные стороны подворного владения.

Формы крестьянского землевладения нередко переплетались, поэтому определить их правовой статус было делом сложным. Так, в рамках общины существовали три отличных друг от друга категории земель с различным правовым режимом – усадебные, наделные полевые (включая лесные наделы) и собственно общинные земли (пастбища, выгоны и др.). Существование внутри общинного землевладения трех вышеуказанных категорий земель с различным правовым статусом объясняло противоречивость взглядов российских юристов на юридическую природу общинного землевладения. Подобную сложившуюся ситуацию можно было разрешить путем законодательного признания общины в качестве юридического лица. Однако вплоть до 1917 г. это понятие так и не было законодательно оформлено.

Усадебные земли представляли собой земельные участки, на которых размещался крестьянский двор с постройками, садом и огородом, находившиеся, как правило, в черте населенных пунктов. Согласно «Положению о выкупе» устанавливался отдельный порядок приобретения и правовой режим усадебных земель и полевых наделов. Выкуп усадебной

Есиков Сергей Альбертович – доктор исторических наук, профессор кафедры «История и философия»; Есикова Милана Михайловна – доктор исторических наук, доцент кафедры «История и философия», e-mail: milana.61@mail.ru, ТамбГТУ, г. Тамбов.

оседлости фиксировался «данной на выкупаемые усадьбы». В соответствии с Положением (ст. 26) крестьяне со дня выдачи им данной получали усадебные земли в полную собственность, с тем ограничением, что в течение первых 9 лет со времени утверждения Положения они не могли передаваться и закладываться не принадлежавшим общине лицам. По истечении этого срока крестьяне могли распоряжаться своими усадьбами на правах полной собственности [1, с. 98].

Полевые надельные земли и общественные угодья в соответствии с «Положением о выкупе» (ст. 160), когда они выкупались целым сельским обществом, признавались собственностью всего общества, которое обладало правом разверстки их между своими членами по утверждению приговора не менее чем двумя третями крестьян-общинников, имевших право голоса на сходе. При этом полевые надельные земли находились во владении крестьянского двора, ограниченном правом общины периодически осуществлять переделы земли в зависимости от конкретных обстоятельств.

Собственно общинные земли представляли собой неделимые угодья, в том числе «уголки» и «отрезки» между наделами, и использовались в интересах всего сельского общества (пастбища, выгоны, лес и др.). В отношении них крестьяне-общинники обладали правом пользования, связанном с институтом членства. Эти земли (в «мирских нуждах») община использовала в собственных интересах и, в том числе, могла сдавать их в аренду как своим членам, так и третьим лицам [1, с. 98; 2, с. 105; 3].

Итак, внутри общинного землевладения сочетались три категории земель с разным правовым статусом, что и порождало путаницу и неразбериху на практике и в теории: у российских правоведов не было единого мнения на юридическую природу общинного землевладения.

Характеризуя имущественно-правовое положение крестьян, отметим, что ст. 36 «Общего положения о крестьянах» гласила: «Каждый член сельского общества может требовать, чтобы из состава земли, приобретенной в общественную собственность, был ему выделен в частную собственность участок, соразмерный с долей его участия в приобретении сей земли. Если такой выдел окажется неудобным или невозможным, то обществу предоставляется удовлетворить крестьянина, желающего выделиться, деньгами, по взаимному соглашению, или по оценке». Как видим, общество могло выплачивать крестьянину при известных условиях вместо земли деньги [5, с. 125].

Согласно «Общему положению о крестьянах», сельское общество, по воле двух третей домохозяев, могло перейти от общинного землепользования к подворному, в ст. 165 «Положения о выкупе» отмечалось: «До уплаты выкупной ссуды выдел участков отдельным домохозяевам из земли, приобретенной обществом, допускается не иначе, как с согласия общества. Но если домохозяин, желающий выделиться, внесет в уездное казначейство всю причитающуюся на его участок выкупную ссуду, то общество обязывается выделить крестьянину, сделавшему такой взнос, соответственный оному участок, по возможности к одному месту по усмот-

рению самого общества...» [4, с. 199; 5, с. 155–156]. При подворном владении землей переделы запрещались. В принципе не исключался и обратный переход от владения подворного к общинному.

К началу 1880-х гг. в Тамбовской губернии общее количество поземельной собственности составляло 5 630 000 десятин, из которых 2 992 000 десятины – крестьянские наделные земли. В подворном пользовании находилось 11 % земель, поступивших в пользование и собственность сельских обществ [6, с. 5, 25]. Процент земель, состоявших в подворном пользовании, был в губернии гораздо выше у бывших государственных крестьян, чем у бывших помещичьих [7]. Надо учитывать, что подворное землевладение, в основном преобладавшее в западных районах страны, не являлось землевладением индивидуальным, участковым, позднее получившим название отрубного.

При проведении в жизнь реформы земля предоставлялась в распоряжение не отдельным крестьянам, а сельским обществам. Документы на владение, выдававшиеся крестьянам при предоставлении им земли, выписывались не дворам, а общинам. В них указывалось, сколько земли получает данный двор, но никак не определялось местонахождение этой земли или ее границы. Бывали случаи, когда тут же отмечалось, что общество имеет право заменить один участок другим. И в дальнейшем Сенат недостаточно четко определял разницу между подворным и общинным имуществом. Заключение Сената по этому поводу не однозначны. Так, в решении 2-го отдела от 12 марта 1899 г. указывалось, что и в случае подворного имущества земля все же числится собственностью общины. Хотя решения 1-го и 2-го отделов от 27 ноября 1895 г. гласили совершенно обратное [4, с. 217].

Как видим, никаких сведений о месте расположения наделов подворников в документах не имелось. Не трудно себе представить в каком положении находились такие домохозяева в случае земельных споров и захватов, в случае необходимости защищать свое владение от посягательств соседних крестьян. Такой спор мог успешно вестись только самим обществом, так как при споре одного домохозяина землевладелец всегда мог сделать заявление, что предъявленный план общего надела вовсе не доказательство того, что захваченная земля принадлежала тому крестьянину, который предъявил иск. Таким путем создавалась зависимость отдельного владельца от общества.

Каждый крестьянин должен был быть членом общины или двора, только в этом случае он мог получить свой надел земли. Право это существовало только в той мере, в какой крестьянин оставался членом двора. В случае, если разрывалась окончательно связь с двором, право это прекращалось автоматически и без всякой компенсации сельскохозяйственного предприятия, которое представлял собой двор.

Местными положениями (в том числе и губернскими) права домохозяина на земельный участок, находившийся в его пользовании, определялись термином «потомственное пользование», а не словом «собственность». Тем самым закон признавал право домохозяина на данный конкретный участок не совпадающим с тем правом собственности на часть

общей собственности, которое закон предоставлял домохозяйству в целом [8, с. 263]. Эта же мысль подчеркивалась и в дальнейшем. Двор и община были теми единицами, через посредство которых и в рамках которых лица, принадлежавшие к крестьянскому сословию, а тем самым к общинам и дворам, могли предъявлять требования на землю. Разница между крестьянским двором и общиной состояла в том, что в рамках двора отдельный крестьянин предъявлял требование на землю непосредственно, а в рамках общины он это делал через посредство двора.

В ходе передела крестьянин, получивший по нарезке землю, был сильно ограничен в праве распоряжения надельной землей. Эти ограничения связаны были с тем, что на подавляющей части крестьянской земли существовали принудительные севообороты. Крестьянин обязан был вовремя убрать с поля урожай, так как по полям начинали пастись скот. Паровое поле также до сева служило пастбищем, вовремя необходимо было закончить сенокос, так как скошенные луга становились пастбищем.

Все недостатки общинного землепользования были характерны и для подворного. Последнее отличалось от общинного лишь отсутствием переделов и личной ответственностью домохозяина за взнос выкупных платежей без круговой поруки. Подворники также были объединены в сельские общества и сообща несли целый ряд повинностей. Не отличалась у них, как правило, и сама система землепользования.

Одним из главных тормозов российского земледелия была чересполосица и, вытекавшие отсюда, дальнотемелье, многополосица и т.д. Крестьянское землепользование отличалось лоскутностью, раздробленностью на многочисленные доли и куски, было весьма далеким от требований ведения рационального хозяйства. Все это в полной мере относилось и к подворному землепользованию.

Землепользование на надельных землях в соответствии с принадлежностью земли распадалось на две крупные разновидности – общинное и подворное. Это, однако, не означало, что, например, общинное пользование имело место исключительно на надельных землях. Оно нередко встречалось и на купчих, и на арендованных землях (общие выгоны, пастбища, водопои и т.д.). Точно так же нельзя сказать, что подворное пользование было только принадлежностью крестьян с подворным землевладением. Большое число общин не переделывали свою землю со времени реформы, и домохозяева в таких общинах фактически постоянно пользовались землей подворно. Также подворно хозяйствовали владельцы купчих земель.

Русская община подразделялась на передельную и беспередельную. К беспередельным относились и те общины, которые, владея землей на общинном праве, в течение долгого времени не прибегали ни к коренным, ни к частным переделам. Точное соотношение передельных и беспередельных общин установить невозможно.

До середины 1880-х гг. коренные переделы в Тамбовской губернии, как и во всем Черноземье, были большой редкостью. Сыграло свою роль прекращение ревизских переписей. Ожидая в течение долгого времени новой переписи, крестьяне не решались на передел. Однако основной при-

чиной затухания переделов было то, что в Черноземье впервые за пореформенные десятилетия эксплуатация надела была выгодной, и крестьянин не спешил сбросить с себя лишние полосы.

Долговременное отсутствие переделов приводило к появлению зачатков наследственного и завещательного права, что было первым шагом к фактическому оформлению частной собственности на надельную землю. В целом ряде уездов Тамбовской губернии началась продажа наделов, порой совершенно посторонним общине лицам. При этом общество смотрело на приобретенные наделы, как на неотъемлемую собственность новых хозяев. Отсутствие переделов, продажа надельной земли способствовали сосредоточению ее в руках зажиточных крестьян [9, с. 164–165].

Однако в 1980-е годы целый ряд обстоятельств заставил крестьян вспомнить о переделах. В связи с падением хлебных цен помещики подняли арендные цены. Из-за этого многие арендаторы земли вернулись на надел и потребовали передела. На этом же настаивала крестьянская молодежь, не попавшая в ревизскую сказку. Требовала передела беднота, имевшая избыток рабочих рук и сидевшая на нищенских наделах. Растущее малоземелье, вызванное «отрезками» и приростом населения, и подготавливало движение за переделы.

Определенное значение имело и наличие давних переделных традиций. Именно поэтому переделы начались, прежде всего, у бывших государственных крестьян, лучше обеспеченных землей, чем бывшие помещицы. Довольно быстро и без споров переход с ревизских душ на наличные совершался в обществах более патриархальных, менее расслоившихся. Но там, где расслоение крестьянства зашло сравнительно далеко, где появилась зажиточная прослойка, борьба принимала ожесточенный и затяжной характер.

С начала 1980-х гг. в течение пяти-шести лет у бывших государственных крестьян переделы совершались подобно цепной реакции. За это время переделались все общества бывших государственных крестьян Моршанского и Спасского уездов, в остальных десяти уездах переделались более половины всех обществ [10; 11, с. 46–49].

Отсутствие соответствующих правовых гарантий приводило к тому, что у крестьян, перешедших к подворному владению, возникало желание вернуться к общинной форме.

Подворное землевладение частной собственностью не являлось, как не было оно и индивидуальным, а скорее являлось коллективным, потому, что в нем устанавливался режим общей собственности подворных владельцев, и представляло собой объект прав не домохозяина, а всех членов семьи. В итоге, согласно действовавшему законодательству, подворное землевладение существенным образом не отличалось от общинного.

На примере трудов местных комитетов хорошо просматривается весь арсенал аргументов сторонников и противников общины. Преобладание тех или иных доводов четко показывает мотивацию дискуссии. Высказывались мнения и относительно подворных владений.

Практический выход из создавшегося положения некоторым членам губернского и уездных комитетов виделся в переходе к подворному вла-

дению и в создании земельного минимума для подворных участков, неделимых, непродаваемых и незакладываемых.

Переход к подворному владению мог совершаться двояким путем: либо общество оставляло во владении отдельных домохозяев участки, не подвергаемые никаким переделам, либо производило раздел мирской земли на подворные участки, лишая этим себя права производить какое-либо вмешательство в хозяйственную деятельность домохозяев [12].

Малую распространенность переходов к подворному владению губернский комитет объяснял, с одной стороны, боязнью крестьян обезземелиться, а с другой, – тем, что «переходы эти редко вели к подъему благосостояния. Они проводились большей частью не в хозяйственных целях, а для обеспечения неприкосновенности размера владений» [13].

Подворное владение, по мнению его защитников, давало возможность не только удобрять и обрабатывать землю, но и избавляло крестьянина от гнета общества в самом способе ведения хозяйства [14].

Таким образом, вопреки существенному сопротивлению со стороны властей, отдельных групп крестьян, правовой неопределенности, осторожности самих крестьян подворное землевладение медленно, но расширялось. В Тамбовской губернии в начале XX века в подворном пользовании находилось уже 34 % наделной земли [15]. Община была сильным тормозом для выделения таких элементов деревни, которые были способны организовать на подворных участках передовое хозяйство. Подворное землевладение позволяло крестьянам несколько более свободно распоряжаться своим наделом. Это облегчало мобилизацию наделной земли и представляло некоторые возможности для проявления хозяйственной инициативы и предприимчивости.

Список литературы

1. Крестьянская реформа в России в 1861 г. : сб. законодат. актов / Сост. и авт. предисл. К.А. Софроненко. – М. : Госюриздат, 1954. – 499 с.
2. Софроненко, К.А. Аграрное законодательство России (вторая половина XIX – начало XX вв.) / К.А. Софроненко ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Юрид. фак. – М. : Изд-во МГУ, 1981. – 160 с.
3. Попов, В.А. Правовой статус крестьянского землевладения в России в начале XX в. / В.А. Попов // Власть и общество России XX век : сб. науч. тр. / под ред. В.П. Попова, А.Ф. Киселева, С.В. Мищенко. – М. ; Тамбов, 1999. – С. 223–224.
4. Леонтович, В.В. История либерализма в России. 1762–1914 / В.В. Леонтович ; пер. с нем.: И. Иловайская. – М. : Рус. путь : Полиграфресурсы, 1995. – 550 с.
5. Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 7. Документы крестьянской реформы / под общ. ред. О.И. Чистякова. – М. : Юрид. лит., 1988. – 816 с.
6. Статистика поземельной собственности и поземельных мест Европейской России. В 8 вып. Вып. I. Губернии центральной земледельче-

ской области / М-во внутр. дел. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком., 1880. – 102 с.

7. Государственный архив Тамбовской области. – Фонд 143. – Опись 1. – Дело 589. – Лист 39.

8. Леонтьев, А.А. Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах / А.А. Леонтьев. – 2-е изд., пересмотр. и доп. – СПб. : Юрид. кн. магазин И.И. Зубкова под фирмой «Законоведение», 1914. – 372 с.

9. Собственность на землю в России: история и современность / под общ. ред. Д.Ф. Аяцкова. – М. : РОССПЭН, 2002. – 592 с.

10. ГАТО. – Ф. 51. – Оп. 1. – Д. 2989. – Л. 18 об.

11. Пругавин, В. Русская земельная община в трудах ее местных исследователей / В. Пругавин. – М. : Типо-Литография И.Н. Кушнерова и Ко, 1888. – VI, 297 с.

12. ГАТО. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 4788. – Л. 14 об.

13. Там же. – Ф. 26. – Оп. 2. – Д. 2490. – Л. 82.

14. Там же. – Оп. 1. – Д. 289. – Л. 12.

15. Там же. – Д. 5667. – Л. 4.

Legal Status of Homestead Land Ownership in Tambov Rural Areas in the Postreform Era (1861–1905)

S.A. Esikov, M.M. Esikova

Tambov State Technical University, Tambov

Key words and phrases: communal land; communal ownership of land; economic culture; financial status of peasants; homestead land ownership; homestead land; redistribution of peasant land.

Abstract: The paper considers the problems of maintenance and distribution of homestead land use in Tambov rural areas; the negative and positive aspects of homestead ownership have been analyzed.

© С.А. Есиков, М.М. Есикова, 2012